

КНИГА I

Глава I

23 АВГУСТА 1829 ГОДА

— Интересно, переживет она эту ночь?

— Взгляни на часы, Мэттью.

— Десять минут первого. Пережила! Дождалась десяти минут нового дня.

Эти слова были произнесены на кухне большого сельского дома, на западном побережье Корнуолла. Собеседники были слугами капитана Тревертона, флотского офицера и представителя одной из старинных фамилий. Оба говорили шепотом, подсев поближе друг к другу, и выжидательно поглядывали на дверь.

— Ужас какой, — проговорил старший из них. — Сидим одни, в темноте, и считаем минуты, которые осталось жить нашей хозяйке.

— Роберт, — сказал другой еле слышно, — ты же служишь здесь с детства, слыхал когда-нибудь, что до замужества она была актрисой?

— А ты почему знаешь? — резко спросил старый слуга.

— Тише! — перебил другой, поспешно вставая со стула.

В коридоре прозвенел колокольчик.

— Нас, что ли? — спросил Мэттью.

— Все еще не знаешь по звуку, который звенит? — презрительно ответил Роберт. — Это колокольчик Сары Лисон. Выйди и посмотри.

Младший слуга послушался и встал, взяв свечку. Отворив кухонную дверь, он посмотрел на длинный ряд колокольчиков на противоположной стене. Над каждым из них аккуратными черными литерами было написано имя слуги. Ряд начинался дворецким и экономкой, а заканчивался кухаркой и рассыльным.

Мэттью сразу заметил, что один из них был еще в движении, над ним было написано: Горничная хозяйки. Он быстро прошел по коридору и постучал в старомодную дубовую дверь. Не получив ответа, он открыл дверь и заглянул в комнату. Там было темно и пусто.

— Сары нет в кастелянской, — сказал он, вернувшись на кухню.

— Стало быть, она ушла в свою комнату, — ответил Роберт. — Иди наверх и скажи ей, что ее зовет хозяйка.

Колокольчик зазвонил снова, когда Мэттью выходил из кухни.

— Скорее! Скорее! — крикнул Роберт. — Скажи ей, чтобы поторопилась, что ее зовут! — А потом он тихонько прибавил: — Зовут и, может быть, в последний раз...

Мэттью поднялся на три лестничных пролета, прошел полпути по длинной арочной галерее и постучал в еще одну старомодную дубовую дверь. На этот раз ему ответили. Приятный и мягкий голос изнутри комнаты поинтересовался, кто пришел. В нескольких торопливых словах Мэттью рассказал о поручении. Не успел он договорить, дверь тихо и быстро отворилась, и на пороге перед ним предстала Сара Лисон со свечой в руке.

Невысокая, не очень красивая, не первой молодости, застенчивая и нерешительная в манерах, одетая крайне просто, горничная леди, несмотря на все эти недостатки, была женщиной, на которую невозможно было смотреть без любопытства, и даже интереса. При

первом взгляде на нее немногие могли бы удержаться от желания узнать, кто она такая. И мало кто удовлетворился бы ответом: «Она горничная мистрис Тревертон». Немногие удержались бы от попытки прочесть на ее лице какую-то тайну, и, конечно, никто не усомнился бы, что эта женщина прошла через испытание каким-то великим страданием. В ее осанке, и еще более в ее лице, все как будто говорило жалобно и грустно: «Я обломок того, чем вы некогда могли бы любоваться. Обломок, который никогда не будет восстановлен, который обречен дрейфовать по жизни незамеченным, неуправляемым, неостановленным — дрейфовать до тех пор, пока не коснется рокового берега, и волны времени не поглотят его навсегда». Вот что можно было прочесть на лице Сары Лисон — и ничего более.

Едва ли найдутся два человека, согласные в мнениях насчет Сары, — до того трудно было решить, телесная или душевная мука сразила ее. Но какова бы ни была природа перенесенного ей несчастья, следы, оставленные им, были заметны явно и поразительно. Щеки Сары потеряли округлость и естественный цвет, подвижные, изящно очерченные ее губы болезненно побледнели; большие черные глаза с необыкновенно густыми ресницами, приобрели тревожный испуганный взгляд, который никогда не покидал их и который жалобно выражал болезненную остроту ее чувствительности и врожденную робость ее нрава. Впрочем, большинство страданий душевных и тяжелая болезнь оставляют на людях почти одинаковые следы. Единственная особенность неведомого недуга Сары состояла в противоестественной перемене цвета ее волос. Они были такими же густыми и мягкими, лежали так же изящно, как волосы молодой девушки, но стали седыми, как у старухи. Странно про-

тиворечили они всем признакам юности, присущим ее лицу. Несмотря на всю болезненность и бледность, глядя на нее, никто не мог бы сказать, что это лицо старухи. На бледных щеках не было ни морщинки. Глаза, пусть тревожные и робкие, искрились и светились — чего никогда не увидишь в глазах стариков. Кожа на висках была гладкая, как у ребенка. Никогда не обманывающие признаки свидетельствовали, что она все еще была в самом расцвете лет. Больная и убитая горем, она выглядела как женщина, едва достигшая тридцати лет. Но седые волосы были просто не сочетаемы с ее лицом — она более бы походила сама на себя, будь они окрашены. В ее случае искусственное казалось бы правдой, потому что природное выглядело как фальшь.

Каким морозом побило эти роскошные кудри? Смертный недуг или смертное горе подернули их инеем? Этот вопрос часто волновал остальных слуг, пораженных странностью ее наружности, да еще ее привычкой разговаривать сама с собой. Однако как бы они ни желали, их любопытство всегда оставалось неудовлетворенным. Ничего больше не удалось им выяснить, кроме того, что Сара Лисон была, мягко говоря, чувствительна к разговорам о своих седых волосах. Хозяйка ее запретила всем, начиная с мужа, нарушать спокойствие служанки любопытными вопросами.

В то знаменательное утро двадцать третьего августа Сара на мгновение потеряла дар речи, стоя перед слугой, вызвавшим ее к смертному одру хозяйки, и пламя свечи ярко отразилось в ее больших испуганных черных глазах и пышных неестественно седых волосах. Мгновение она стояла молча; ее рука дрожала так, что подсвечник непрерывно дребезжал. Потом Сара опомнилась и поблагодарила слугу. Беспокойство,

страх и торопливость, звучащие в ее голосе, кажется, только добавили ему изящества, благородства и женственной сдержанности.

Мэттью, который, как и другие слуги, втайне не доверял и недолюбливал Сару, отличавшуюся от прочих горничных, был настолько покорен ее манерами и тоном, что предложил донести свечу до двери спальни ее хозяйки. Горничная покачала головой, поблагодарила его еще раз и быстро пошла по коридору.

Спальня умирающей мистрис Тревертон была этажом ниже. Сара в нерешимости остановилась перед дверью, но наконец постучалась, и дверь отворил капитан Тревертон.

Взглянув на своего господина, Сара отпрянула. Даже опасаясь удара, она вряд ли смогла бы отступить так же быстро, и вряд ли ужас на ее лице мог быть более выразительным. Впрочем, в капитане Тревертоне не было ничего такого, что могло бы вызвать подозрение в жестоком обращении или даже грубости. С первого взгляда можно было смело сказать, что этот человек ласков, сердечен и откровенен. На глазах его блеснули слезы, вызванные страданиями любимой жены.

— Входи, — сказал он отворачиваясь. — Она не хочет, чтобы приходила сиделка, ей нужна только ты. Позови меня, если доктор... — Голос его сорвался, и он поспешно вышел, не закончив фразу.

Вместо того чтобы войти в комнату госпожи, Сара Лисон обернулась и внимательно посмотрела вслед хозяину. Ее и без того бледные щеки стали смертельно белыми, в глазах застыл страх, сомнение и вопросительный ужас. Когда капитан скрылся за поворотом галереи, Сара прислушалась, стоя у дверей спальни, и боязливо прошептала: «Неужели она ему сказала?» Потом отво-

рила дверь, постояла мгновение на пороге, с видимым усилием восстановив самообладание, и вошла.

Спальня мистрис Тревертон — просторная комната — выходила окнами на западный фасад дома, и, стало быть, на море. Ночник, горевший у кровати, скорее подчеркивал тьму, сгущая ее в углах комнаты. Старинная кровать была завешана тяжелыми драпировками. В тусклом свете можно было разглядеть только самую большую мебель: шифоньеры, гардеробный шкаф, высокое трюмо, кресла с высокой спинкой и, наконец, бесформенную громаду кровати. Вся остальная обстановка была погружена во мрак. Через открытое окно — отворенное, чтобы впустить свежий воздух нового утра после сырости августовской ночи, — долетали в комнату монотонные, глухие и отдаленные всплески волн о песчаный берег. Всякий остальной шум смолк в этот первый час нового дня. Внутри комнаты слышно было только медленное, томительное дыхание умирающей женщины, доносившееся ужасно и отчетливо в его смертной хрупкости даже сквозь далекое громовое дыхание из лона вечного моря.

— Госпожа, — сказала Сара Лисон, подойдя к пологу кровати, но не одергивая его, — ваш супруг вышел из комнаты и оставил меня вместо себя.

— Свет! Больше света! — Смертельная слабость звучала в тоне, но вместе с ней и решимость, вдвойне заметная при сравнении с дрожащим голосом Сары. Сильная натура госпожи и слабый дух горничной проявлялись даже в этих немногих словах, произнесенных сквозь занавесь смертного ложа.

Сара дрожащей рукой зажгла две свечи, нерешительно поставила их на столик у кровати, переждала мгновение, с подозрительной робостью оглядываясь по сторонам, и потом приподняла полог.

Болезнь, от которой умирала мистрис Тревертон, была одним из самых страшных недугов, поражающих человеческий род, и преимущественно женщин: он подрывает жизнь, при этом не оставляя на лице больного признаков своего сокрушительного прогресса. Неопытный человек, взглянув на мистрис Тревертон в тот момент, как ее горничная откинула полог, вероятно, решил бы, что больная получила все облегчение, какое может только доставить человеческая наука. Следы болезни на ее лице и неизбежная перемена в изяществе и округлости его очертаний были едва заметны: так чудно сохранился его цвет, нежность и сияние девичьей красоты. На подушке покоилась голова, окаймленная богатым кружевом чепца и блестящими каштановыми волосами. Казалось, это лицо красивой женщины, выздоравливающей после легкой болезни или отдыхающей после переутомления. Даже Сара Лисон, не отходившая от госпожи на протяжении всей болезни, глядя на свою хозяйку, с трудом верила, что врата жизни закрылись за ней и что манящая рука смерти уже машет ей из могилы.

Несколько книг в бумажных обложках с отпечатками собачьих зубов лежало на покрывале. Мистрис Тревертон жестом приказала убрать их. Это были театральные пьесы, в некоторых местах подчеркнутые чернилами, с примечаниями на полях и отметками о появлении персонажей. Слуги, обсуждавшие на кухне занятие госпожи до замужества, не были обмануты ложным слухом: капитан, пережив первую пору юности, действительно взял себе жену с подмостков провинциального театра через два года после ее дебюта. Старые пьесы составляли некогда всю ее драгоценную драматическую библиотеку, она сохранила к ним привязанность, и в последнее время болезни держала их рядом с собой.

Убрав книги, Сара вернулась к госпоже с выражением скорее ужаса и недоумения на лице, чем горя. Мистрис Тревертон подняла руку в знак того, что у нее есть еще одно распоряжение.

— Запри дверь, — сказала она все тем же слабым, но решительным голосом. — Запри дверь и не впускай никого, пока я не разрешу.

— Никого? — повторила робко Сара. — Даже доктора? Даже моего господина?

— Ни доктора, ни господина, — проговорила мистрис Тревертон, указывая на дверь. Рука ее была слаба, но даже в этом движении был приказ.

Сара заперла дверь, нерешительно вернулась к постели, и, испуганно глядя на хозяйку, вдруг наклонилась к ней и прошептала:

— Вы сказали моему господину?

— Нет. Я послала за ним с тем, чтобы сказать ему. Я изо всех сил пыталась произнести эти слова. Я столько думала, как мне лучше сказать ему об этом. Я так люблю, так нежно люблю его!.. И я бы сказала ему, если бы он не заговорил о ребенке. Сара! Он только и говорил, что о ребенке. Это заставило меня замолчать.

Сара, забыв о своем положении, что могло показаться необычным даже в глазах самой снисходительной хозяйки, откинулась на стуле, закрыла лицо дрожащими руками и простонала:

— О, что будет! Что теперь будет!

Взгляд мистрис Тревертон смягчился, когда она говорила о любви к мужу. Несколько минут она лежала молча, но учащенное, тяжелое дыхание и болезненно сведенные брови свидетельствовали о сильном волнении. С трудом повернула она голову к креслу, на котором сидела ее горничная, и сказала еле слышным голосом:

— Подай мне лекарство.

Сара встала, повинувшись инстинкту послушания, и смахнула слезы, которые быстро катились по ее щекам.

— Вам нужен доктор! Позвольте, я позову доктора.

— Нет! Лекарство! Дай мне лекарство!

— Какую из бутылочек? С опиумом или...

— Нет. Не с опиумом. Другую.

Сара взяла со столика склянку и, внимательно посмотрев на написанное на этикетке указание, заметила, что еще не время принимать это лекарство.

— Дай его мне!

— Ради бога, не просите! Подождите, умоляю вас! Доктор сказал, что это лекарство хуже, чем дурман, ежели часто его принимать.

Ясные серые глаза мистрис Тревертон вспыхнули; яркий румянец окрасил ее щеки; властная рука с усилием поднялась с покрывала, на котором она лежала.

— Откупорь бутылочку и подай, — сказала она. — Мне нужны силы. Неважно, умру я через час или через неделю. Дай ее сюда.

— Нет, подождите, — продолжала спорить Сара, хотя на самом деле уже сдалась под взглядом хозяйки, — тут осталось две дозы. Подождите, я принесу стакан.

Она снова пошла к столу. В тот же миг мистрис Тревертон поднесла бутылочку ко рту, и выпила все, что в ней было, и откинула ее прочь.

— Она убила себя! — вскрикнула Сара и в ужасе побежала из комнаты.

— Стой! — произнес с постели голос еще решительнее, чем прежде. — Вернись и помоги мне сесть.

Сара взялась за ручку двери.

— Вернись! — повторила мистрис Тревертон. — Пока я жива, ты будешь меня слушать. Вернись. — Ру-

мянец ярче разливался по ее лицу и ярче блестели ее глаза.

Сара вернулась и дрожащими руками добавила еще одну подушку к многочисленным подушкам, которые поддерживали голову и плечи умирающей женщины. Мистрис Тревертон судорожно поправила соскользнувшее покрывало, натянув его до подбородка.

— Ты отперла дверь? — спросила она.

— Нет.

— Я запрещаю тебе подходить к ней и близко. Подай мне несессер, перо и чернила из бюро у окна.

Сара подошла к бюро и открыла его, но вдруг остановилась, словно ей в голову пришло какое-то внезапное подозрение, — она спросила, для чего нужны письменные принадлежности.

— Принеси их и увидишь.

Несессер и лист бумаги были положены на колени мистрис Тревертон; перо обмокнуто в чернила и передано ей в руки. С минуту она сидела неподвижно, закрыв глаза и тяжело дыша, потом принялась писать. Сара с тревогой заглянула ей через плечо и увидела, как перо медленно и слабо выводит первые два слова: «Моему мужу».

— О, нет! Нет! Ради бога, не пишите! — крикнула Сара и схватила хозяйку за руку, но тотчас же отпустила ее, заметив взгляд мистрис Тревертон.

Перо продолжало двигаться: медленно вывело целую строчку и остановилось; буквы последнего слова слились вместе.

— Не надо! — повторила Сара, падая на колени возле кровати. — Не пишите ему, ежели не смогли сказать вслух. Позвольте мне до конца скрывать то, что я так долго скрывала. Пусть тайна умрет с вами и со мной,

и никогда не станет известна этому миру. Никогда, никогда, никогда, никогда!

— Тайна должна быть раскрыта, — ответила мистрис Тревертон. — Мой муж должен был давно ее узнать. Я пыталась рассказать ему, но храбрость подвела меня. И я не могу довериться тебе рассказать ему обо всем, когда меня не станет. Поэтому надо все записать. Но мое зрение притупилось, а руки ослабли. Возьми перо и пиши с моих слов.

Сара, вместо того чтобы повиноваться, спрятала лицо в покрывале и горько заплакала.

— Ты не разлучалась со мной со дня моего замужества, — продолжала мистрис Тревертон. — Ты была мне скорее подругой, чем служанкой. Неужели откажешь мне в последней просьбе? Безумная! Посмотри на меня! Послушай! Ты погибнешь, ежели откажешься взять перо. Пиши, или я не успокоюсь в своей могиле. Пиши, или я приду к тебе с того света.

Сара со слабым вскриком вскочила на ноги.

— У меня мурашки по коже от ваших слов! — прошептала она, глядя на госпожу с выражением суеверного ужаса.

В это самое мгновение лишняя доза возбуждительно-го лекарства начала действовать на мистрис Тревертон. Она беспокойно заметалась на подушке, продекламировала бессвязно несколько строчек одной из пьес и вдруг театральным жестом протянула горничной перо, устремив взгляд на воображаемую публику.

— Пиши! — крикнула она громким сценическим голосом. — Пиши! — И слабая рука поднялась в давно забытом театральном жесте.

Машинально сжав в пальцах перо, Сара, все с тем же выражением суеверного ужаса в глазах, ждала сле-

дующего приказа. Прошло несколько минут, прежде чем мистрис Тревертон заговорила снова. В ней оставалось еще довольно сознания, чтобы смутно осознавать эффект, который производило на нее лекарство, и противиться ему, пока оно окончательно не помutilo ее мыслей. Она попросила подать ей нюхательной соли и одеколон.

Смоченный одеколоном и приложенный ко лбу платок несколько прояснил ее разум. Взгляд снова стал спокойным и рассудительным, и она вновь приказала служанке писать, немедленно начав диктовать тихим, но разборчивым и решительным голосом. Слезы все еще катились по щекам Сары; с губ срывались обрывки фраз, в которых слышалось странное смешение мольбы, ужаса и раскаяния; но она покорно выводила неровные строки, пока не исписала лист с двух сторон. Мистрис Тревертон сделала паузу, пробежала глазами написанное, и, взяв из рук Сары перо, подписала внизу листа свое имя. После этого усилия она больше не могла бороться с действием лекарства. Густой румянец снова окрасил ее щеки, и она заговорила торопливо и неуверенно, вложив перо в руки горничной.

— Подпиши! — крикнула она, слабо стуча рукой по покрывалу. — Подпиши: «Сара Лисон, свидетельница». Нет! «Соучастница». Возьми и свою ответственность, я не позволю переложить ее на меня. Подпиши, я настаиваю на этом! Подпиши, как сказано.

Сара повиновалась, и мистрис Тревертон, взяв бумагу, сказала все с тем же театрально-торжественным жестом:

— Когда я умру, ты передашь это своему господину и ответишь на все его вопросы так же правдиво, как на страшном суде.

Всплеснув руками, Сара впервые посмотрела на хозяйку пристальным взглядом и впервые заговорила с ней спокойным тоном:

— Если бы я только знала, что скоро умру, с какой радостью поменялась бы с вами.

— Обещай мне, что отдашь бумагу своему господину, — повторила мистрис Тревертон. — Обещай! Нет! Обещанию твоему я не поверю — мне нужна твоя клятва. Возьми Библию — Библию, которой пользовался священник, когда был здесь сегодня утром. Подай мне Библию, или я не упокоюсь в могиле. Подай ее или я приду к тебе с того света. — Она рассмеялась, повторив угрозу. — Да, да, Библию, что читал священник, — рассеянно продолжала мистрис Тревертон, когда книга была принесена. — Священник — бедный слабый человек — я напугала его, Сара! Он меня спросил: «Примирились ли вы со всеми?» А я ему сказала: «Со всеми, кроме одного...» Ты знаешь, Сара, о ком я.

— О брате капитана? Ох, не умирайте во вражде, с кем бы то ни было. Не умирайте во вражде даже с ним, — умоляла Сара.

— Священник тоже так сказал. — Взгляд мистрис Тревертон блуждал по комнате; а голос становился все более низким и сбивчивым. — Вы должны простить его, сказал мне священник. А я ему ответила: «Нет, прощу всех на свете, только не брата моего мужа». Священник испугался, Сара, и отошел от моей постели. Сказал, что будет за меня молиться и скоро вернется. Но вернется ли?

— Конечно, — ответила Сара, — он человек хороший и обязательно вернется. Скажите ему, что простили брата капитана. Дурные речи, которые он говорил о вас, рано или поздно вернутся к нему. Простите его! Простите его перед своей смертью!